

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Социально-политические процессы и дискуссии 1990-х

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.043

УДК 159.955.4:378.4(470.5) + 321.7 + 327.2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ НАЧАЛА 1990-х гг. НА ТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА РОССИИ

В. И. Михайленко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье предлагается дискуссия, которая состоялась в 1992–1993 гг. с участием профессоров Уральского государственного университета В. А. Буханова и В. И. Михайленко относительно перспектив демократического транзита России. Участники дискуссии анализируют расположенность индивидуумов, массового общества, экономических и политических элит к демократическим преобразованиям и приходят к выводу о том, что в новой России идеалы свободы и демократических институтов не занимают доминирующего положения в массовом сознании. Отсюда велика восприимчивость российского общества к радикальным и экстремистским идеологиям, к разновидностям политических режимов прямой демократии. Обращаясь к теме геополитики, авторы отмечают ее научный потенциал. Когда геополитики отстаивают идею сильного государства, это не означает априори, что речь идет о тоталитарном государстве. В этом, как и в других случаях, политики приспособливают научные идеи или идеологии под свои утилитарные задачи. Вместе с тем можно говорить о предрасположенности определенных идей, в т. ч. и геополитики, для манипулирования массовым сознанием с целью утверждения авторитарных или тоталитарных режимов. По мнению авторов, сильным является государство, в котором установлены наиболее оптимальные отношения между гражданским обществом и государством. В статье сделаны выводы о том, что Россия после 1991 года не определилась с выбором

демократического транзита, имеет предрасположенность к выбору авторитарных или тоталитарных форм взаимоотношений между властью и обществом.

Ключевые слова: Российская Федерация, демократический транзит, геополитика, прямая демократия, представительная демократия, тоталитаризм.

Для цитирования: Михайленко В. И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 4. С. 116–139. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

INTELLECTUAL REFLECTIONS OF THE EARLY 1990S ON THE TOPICS OF POST-SOVIET TRANSITION OF RUSSIA

V. I. Mikhaylenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article proposes a discussion that took place in 1992–1993 with the participation of V. A. Bukhanov and V. I. Mikhaylenko, professors of the Ural State University, on the prospects of democratic transition of Russia. The participants of the discussion analyze the propensity of individuals, mass society, economic and political elites for democratic transformations and come to the conclusion that in New Russia the ideals of freedom and democratic institutions do not occupy a dominant position in the mass consciousness. Hence, there is great susceptibility of Russian society to radical and extremist ideologies, to varieties of political regimes of direct democracy. Turning to the topic of geopolitics, the authors note its scientific potential. When geopoliticians advocate the idea of a strong state, it does not mean a priori that we are talking about a totalitarian state. In this case, as in other cases, politicians adapt scientific ideas or ideologies to their utilitarian tasks. At the same time, we can talk about the predisposition of certain ideas, including geopolitics, to manipulating mass consciousness in order to establish authoritarian or totalitarian regimes. According to the authors, a strong state is one in which the optimum relations between civil society and state are established. The article concludes that after 1991 Russia has not decided on the choice of democratic transition and has a propensity to choose authoritarian or totalitarian forms of relations between the government and society.

Keywords: Russian Federation, democratic transition, geopolitics, direct democracy, representative democracy, totalitarianism.

For citation: Mikhaylenko, V. I. (2021), “Intellectual Reflections of the Early 1990s on the Topics of Post-Soviet Transition of Russia”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 116–139 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

Перебирая пожелтевшие бумаги в своем архиве, я наткнулся на две почти тридцатилетней давности записи диалога с Валентином Александровичем Бухановым. На них не указаны точные даты. По некоторым признакам, первую запись можно отнести к концу 1992 г., а вторая была сделана год спустя. На наш взгляд, именно этот период стал поворотным в выборе варианта постсоветской трансформации России. Очередная буржуазно-демократическая революция в России оказалась незавершенной. Не был решен вопрос о безоговорочной защите законом частной собственности, оставались правовые и институциональные лазейки для наступления на демократические институты и права человека, происходило возвращение государственно-бюрократического стиля мышления и управления, отказались от идеи гражданской нации, во внешней политике формировался великодержавный ревизионизм.

Отставка Е. Гайдара 15 декабря 1992 г. с поста исполняющего обязанности Председателя Правительства Российской Федерации означала, что между главными действующими политическими и экономическими акторами достигнут консенсус относительно выбора стратегии постсоветского трансфера в пользу примата государства и великодержавности.

К моменту дискуссии ее авторы заявили о себе в качестве исследователей Германии и Италии в исторические периоды трансформации политических и экономических институтов в первой половине XX века. В. А. Буханов опубликовал исследования о европейской стратегии и концепции «нового порядка» нацистской Германии [Буханов 2013]. Автор этих строк после защиты докторской диссертации по историографии итальянского фашизма продолжил исследование этого исторического феномена [Михайленко 1987].

Опираясь на опыт политической трансформации в Италии и Германии, авторы дискуссии пытались найти ответы на вопросы о состоянии массового сознания россиян под влиянием постсоветского синдрома, о восприимчивости российского общества к радикальным и экстремистским идеологиям, о свободе, о национальной идее и национальном интересе, о последствиях превращения геополитики в инструмент государственного проектирования и управления.

Спустя три десятилетия политической элитой и экспертным сообществом оказались востребованными практически те же самые темы, которые обсуждались в начале 1990-х, чтобы придать новую динамику государственному и общественному строительству. Нам кажется, что интеллектуальные дебаты и рефлексии 1990-х гг. не утратили своей актуальности.

Часть 1. Размышления о тоталитаризме и представительной демократии

Вопрос: Итак, мы начинаем разговор о фашизме, о вероятной возможности реставрации тоталитарного строя в России. Я предоставляю слово

Валерию Ивановичу Михайленко, и давайте поговорим: возможно ли у нас возрождение того, что было?

В. И. Михайленко: Я и присутствующий здесь Валентин Александрович писали свои исследования по германскому и итальянскому фашизму. Я думаю, что интерес к той и другой разновидностям тоталитаризма достаточно велик в нашем обществе. Но я думаю, что вы пригласили нас на обсуждение не столько для того, чтобы услышать наше мнение по поводу Германии и Италии, сколько, может быть, для того, чтобы на сравнительном анализе истории Италии и Германии попытаться понять, какие же процессы происходят в нашей стране, какие перспективы могут открываться для нашего дальнейшего исторического развития. И, конечно, очень важным является ответ на вопрос о наличии или отсутствии предпосылок для русского фашизма как движения и возможности его прихода к власти. В этом случае речь могла бы идти о предпосылках того или другого политического режима.

Важно отметить, что, конечно, прямых аналогий в развитии отдельных стран быть не может, и поэтому понятно, что исторические судьбы России, Германии, Италии весьма разнятся. Если все-таки коснуться вопроса: есть или нет предпосылки для возможного возникновения русского фашистского движения и режима, то, как это ни печально констатировать, я думаю, что Россия в своем последующем историческом развитии имеет для этого больше шансов. Я хочу подчеркнуть, что больше шансов не означает абсолютную вероятность установления фашистского режима у нас, но еще больший шанс имеет какая-либо новая разновидность тоталитаризма.

Игнорирование специфики исторического развития России фактически перечеркнуло оптимистический вариант перестройки, которая была задумана М. С. Горбачевым и его командой. В основу концепции перестройки Горбачева, по крайней мере на заключительном этапе (я не беру начальный этап, я думаю, что такой концепции на начальном этапе вообще не было) закладывалась западноевропейская социал-демократическая модель. На первый план выдвигалась личность, индивидуальность. И отцы перестройки были уверены — не скрою, что и я разделял этот оптимизм, — что достаточно снять обручи тоталитарной системы и включить механизм свободного саморазвития общества, открыть возможности для индивида, для человека, для реализации его способностей, и, так сказать, путь в демократическое общество будет открыт. В связи с этим хотел бы упомянуть, мне кажется, очень примечательные в этом плане слова Гавриила Попова, бывшего мэра города Москвы, что «любой человек всегда, во все времена готов к свободе, даже тот, кто не вполне сознает, и тот, который, якобы, не хочет. Демократия — это то, до чего дозрели все и что делает человека человеком» [Попов 1989, с. 70]. Ну, а что получилось в реальной жизни, мы с вами видим сегодня.

Вопрос: Давайте поговорим о тех вероятных причинах, которые могли бы привести к передаче власти в тоталитарные руки, если можно так сказать. Ведь и в Италии, и в Германии, насколько я помню, тоталитарные режимы пришли к власти парламентским путем, т. е. в результате всенародных выборов. И Муссолини, и Гитлера выбрал народ. Возможна ли у нас подобная ситуация?

В. И. Михайленко: Вообще-то не совсем таким был механизм взятия власти, скажем, Муссолини в Италии. Муссолини пришел в результате определенного политического соглашения, компромисса между партиями, важную роль здесь сыграл король Виктор Эммануил. Но я хотел бы чуть-чуть вернуться назад, к нашим размышлениям о свободе, и вот под каким углом. Где-то в декабре этого года я был в Италии и на фаттории (это винодельческая фирма) вел разговор с простым человеком — владельцем этой винодельческой фаттории. Разговор был о пожеланиях нашей общественности (мы записали на пленку этот разговор, получился видеофильм). Там можно услышать заранее не подготовленную такую фразу: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». Понимаете, когда мы дойдем до осознания этой очень простой формулы на уровне массового обыденного сознания, то, может быть, тогда понятие свободы у нас будет иметь несколько другое значение, чем тот смысл, который мы вкладываем в него в настоящее время.

В. А. Буханов: Мне бы хотелось сказать пару слов о проблеме свободы. У нас до самого последнего времени бытовало такое мнение, что тоталитаризм — это несвобода, а вот демократическое общество — это свобода. Но дело все в том, что в конкретно-исторических условиях, в конкретно-историческом сознании точнее, переход, скажем, от демократического общества к тоталитарному означает вовсе не переход от свободы к несвободе, а от одной свободы к другой свободе. И этим заинтересовались все слои общества Германии. Скажем, в 20-е годы эта проблема интересовала всех: и философов, и простого слесаря каких-то мастерских или завода, и домохозяйку. Поэтому постановка очень привлекательной цели, которая показывается через призму новой свободы, означала освобождение от старых пут — это очень важный элемент внедрения в сознание тоталитарного мышления...

В. И. Михайленко: И вот, возвращаясь к вашему вопросу, я бы хотел обратить внимание на следующее. Понимаете, как это ни покажется парадоксальным, но в тоталитарном обществе жить комфортно, и комфортно очень многим слоям. Потому что, во-первых, есть надежда, иллюзия, что государство думает о человеке, есть возможность предъявить требования к государству. И не случайно, когда сейчас проводятся массовые опросы, то многие говорят, что самая комфортная ситуация была в период брежневского режима, многие хотели бы вернуться к этому периоду. И, понимаете, мало кто ставит вопрос

о том, какова цена этих комфортных условий, что мы, фактически, в этот период проели, исчерпали физические ресурсы, естественные ресурсы, разрушили окружающую среду; мы сейчас видим, что мы оставляем жуткое наследство — это и была цена нашего комфорта. И, понимаете, если отвечать на ваш вопрос и как бы идти немного дальше, говорить о том, что же составляет фон возможного прихода тоталитаризма, я бы все-таки сказал, что я не вижу, пожалуй, на уровне массового сознания, даже на уровне политических деятелей, скажем на уровне экс-руководителей, такого очень важного момента саморазвития личности, как рефлексия и развитие самосознания. Вот, посмотрите, даже сейчас: возьмем, скажем, бывшего президента СССР, — ведь нигде, ни в одном из выступлений не мелькает даже малейшего намека на то, а что же все-таки плохого он сделал, идет сплошное самооправдание, но фактически эта тема касается и каждого из нас.

И еще я бы хотел затронуть сюжет, связанный с афганской войной. Здесь уместно сказать пару слов по поводу рефлексии, самосознания, т. е., не претендуя на какое-то глубокое философское определение, я бы хотел отметить, что одно из проявлений — это способность людей осознавать содержание своих действий, добросовестно их оценивать и корректировать. И вот сейчас я хотел бы вернуться к проблеме афганской войны. Мне кажется, что это один из примеров недостаточной рефлексии, недостаточной совестливости, может даже, общества в целом. Даже справедливая война, даже выигранная война, такая как Отечественная война, влечет за собой страшную разрушительную силу в отношении моральных устоев общества. Так было и с Первой мировой войной. Кстати, подобного рода конфликты и войны являются как бы стимулятором таких разрушительных движений, которые ведут к тоталитарным режимам или к диктатурам другого типа. Афганская война — это война, в развязывании которой виновны не только анонимные члены политбюро, которых до сих пор не могут назвать, но и все мы, всё наше общество.

В принципе, когда она началась, не было массовых протестов. Существовала либо конформистская, либо соглашательская позиция. И, самое главное, ну, хорошо, скажем, мы все были опутаны, окутаны определенной системой идеологического и другого воздействия. Понимаете, в США, когда закончилась вьетнамская война, общество несколько лет самоочищалось от этой войны, т. е. оно должно было нравственно выйти более возвышенным из этой войны (даже появился такой термин: «вьетнамский синдром»). В отношении же жертв в афганской войне, среди которых я бы назвал, в первую очередь, наших соотечественников — тех, кто погиб, остался там, и тех, кто выжили, практически общество заняло наплевательскую позицию, делая вид, что такой войны не было, как бы вычеркивая ее из памяти вместе с людьми, которые пострадали в этой войне. И это провоцирует зачастую обоснованную озлобленность, обижённость «афганцев», поскольку мы не наблюдаем покаяния общества.

В. А. Буханов: Очень любопытно, что многие «афганцы» рекрутируются сейчас в ряды российского национального движения, и это очень любопытная тенденция, потому что прослеживается параллель с Германией. Дело все в том, что сейчас мы видим, как на наших глазах происходит интеграция идей коммунизма, российского государственного патриотизма, национального патриотизма в крайней форме проявления. Примерно такое же развитие, такой же процесс происходил и в Германии времен Веймарской республики, когда национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений, скажем, консерватизма, либерализма, даже социализма. В частности, проблема социальной справедливости была поставлена очень остро именно национал-социалистами. В результате получилась не эклектика, а очень любопытная, тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому, под лозунгом нового порядка, реорганизации. Вот примерно то же самое здесь у нас происходит.

Вопрос: Вчера я видел плакат «За великую черносотенную Русь!». Что такое «черносотенная Русь», кто за ней стоит и что нас ждет, если эти силы придут к власти?

В. И. Михайленко: Направляясь сегодня на эту передачу, я тоже купил газету «Русский союз» и посмотрел на ряд концептуальных позиций. Цитирую один из документов (газета как раз у меня здесь в руках): «Суть власти в стране остается неизменной — антирусской». И в этой же газете приводятся списки «инородцев», которые ответственны за массовые репрессии. Вообще, списки «врагов» можно приводить какие угодно длинные, но, понимаете, они не будут миллионными списками. Почему? Потому что фактом остается главное: чтобы появился один Сталин, необходимо было, чтобы миллионы сталиных появились в массовом сознании. Давайте представим себе хотя бы на минутку, что в развитом европейском обществе, где идеи свободы, идеи индивидуализма завоевали прочные позиции, кто-то может увлечь за собой массы под какое-то знамя. Да это просто нереально, это невозможно, этого не может произойти. И если это произошло с Германией и Италией, то произошло прежде всего потому, что эти страны переживали определенный переходный период. Сейчас Германию, западную Германию, если уж точно будем говорить, в западной части Германии, увлечь массы подобными лозунгами просто невозможно. Я бы хотел здесь коснуться еще одного вопроса: фашистская Италия, нацистская Германия оказались в собственном «сталинизме» не по воле «инородцев», кстати, а как раз на волне борьбы с ними. И вообще-то очень старая песня: давайте построим национальное государство, общество, а затем уже приложится все остальное.

Мы хорошо знаем, что среди наших политических сил достаточно крепкие позиции занимают государственники, т. е. сторонники примата государства над обществом. И в этой связи я хотел бы сказать, что ничего нового в этом

нет: государственнымником был Сталин, государственнымником был Муссолини. Свобода в фашизме — не свобода от государства, но свобода в государстве. Муссолини принадлежала известная формула о том, что «всё в государстве, ничего вне государства, ничего против государства». «Поскольку для фашиста все находится в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует, тем более не имеет никакой ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, а фашистское государство, синтез и единство всех ценностей, осмысливает, развивает и укрепляет всю жизнь народа» [Mussolini 1935, p. 3].

На первый взгляд, вроде бы, легко эту концепцию отбросить, но дело в том, что массовый россиянин и до революции 17-го года, и особенно после революции 17-го года предпочитал суперэксплуатацию со стороны государства эксплуатации индивидуальной. То есть, понимаете, существует определенный тип государственного сознания.

Довольно часто звучит мысль о том, что вроде бы 17-й год прервал историю русской государственности. Я лично придерживаюсь другой точки зрения и считаю, что ничего подобного не произошло: как раз русская государственность переживала определенный крах или трудности, кризис, как это было с Австро-Венгерской империей накануне и в ходе Первой мировой войны, но именно большевизм спас русскую государственность, т. е. придал ей новый статус в виде новой концепции, новой идеологии Российского государства. И сейчас эта концепция не просто переживает кризис, она, по существу, потерпела поражение. И вот здесь, конечно, есть большая опасность, что во имя этой государственности снова могут возникнуть объединения именно такого тоталитарного толка и массовые движения именно этого типа. Эта опасность, на мой взгляд, угрожает и нам. Необязательно тоталитарная идеология может проявляться в той форме, как у «Русского союза».

Вопрос: Если появляются такие плакаты «Русского союза», и за них не судят, значит, власти поддерживают шовинизм, национализм и т. д.? Как-то можно прокомментировать этот вопрос?

В. И. Михайленко: В одной из очень «русских» газет я читаю буквально: «Мы, русские, имеем право на вооруженное восстание во имя спасения». Подобного рода фразы, конечно, мне кажется, являются призывом к войне, и, учитывая многонациональную специфику нашего города, я задаюсь естественным вопросом: а почему не имеют такого права татары, башкиры и другие национальности, проживающие в нашем городе? Ну, давайте, начнем всеобщее восстание, которое приведет к тотальной катастрофе.

Вопрос: Как бы вы, Валентин Александрович, прокомментировали слова обычных граждан относительно того, что нас, русских, унизили в 1991 г., что мы чувствуем себя обманутыми, побежденными?

В. А. Буханов: Русский народ, россияне — это великий народ. Унижать великий народ ни в коем случае не допустимо, но и недопустимо представлять таким образом, что один какой-то народ превосходит все другие народы, тоже. Здесь проблема очень деликатная. Когда Германия, кайзеровская Германия — великая страна, великая держава — потерпела поражение в Первой мировой войне, среди немцев возникло ощущение, что их унижают — великую нацию, великий народ. И на этом очень ловко сыграли. Здесь может случиться примерно то же, так что могут сыграть и здесь.

В. И. Михайленко: В Германии сыграли — и привели народ к катастрофе.

Вопрос: То есть наше достаточно легкое отношение к выступлениям «Русского союза» может иметь такие же последствия?

В. И. Михайленко: Мне задавали вопрос: «Почему весь народ, а не ЦК должен каяться, ведь народ тогда ничего на решал. Почему не Горбачев, Лигачев? Простые люди в этом не виноваты». Вы знаете, невозможно осуществить массовые репрессии в какой-либо стране, которые охватили бы десятки миллионов жертв, если бы сосед не «закладывал» соседа, сослуживец по работе не «закладывал» сослуживца по работе, т. е., понимаете, отказаться полностью от того, что одна из причин этой беды великой заключалась в самом массовом сознании, я думаю, было бы очень глубокой ошибкой. Мне кажется, что в этом плане необходимо каяться и за то, как мы так отнеслись к афганской войне. Прежде всего, момент покаяния необходим для того, чтобы преодолеть это в себе, чтобы выйти на новую нравственную позицию. Я, например, последнее время немножко по-другому оценил реакцию западной прессы на событие, как, например, убийство Фальконе в Италии¹. Об этом шумели все. Для чего шумели, ведь реально ничего нельзя было сделать. Это был момент взаимного принародного покаяния людей, они объявили о своей нравственной позиции.

В. А. Буханов: Хотелось еще добавить: когда мы говорим о тоталитарных режимах, мы опять же, прежде всего, акцентируем внимание на насилии, которое осуществляет государство, тоталитарный режим по отношению к обществу, но забываем, что в такие времена существует иллюзия единения государства и большинства людей, и это даже не иллюзия, люди искренне верят в цели, провозглашаемые государством. Избавиться от этой слепой веры, быть критичным по отношению к самим себе — это и есть очень важный элемент покаяния.

В. И. Михайленко: Есть еще один вопрос, на который мне хотелось бы ответить. Вопрос очень типичный: об одинаковости тоталитарных режимов в России, Германии и Италии.

---

¹ Джованни Фальконе — итальянский магистрат, известный борец с Коза Нострой, погиб вместе с женой и тремя телохранителями в результате взрыва, устроенного сицилийской мафией 23 мая 1992 года.

Вопрос: Сейчас у нас много людей, особенно молодых людей, которые говорят, что сталинизм и гитлеризм, фашистская Германия и СССР — это одно и то же. Что вы думаете по этому поводу?

В. И. Михайленко: Я считаю, что можно говорить об институтах и механизмах организации власти, скажем, о политических партиях, о системе организации массового консенсуса, т. е., конечно, здесь есть много общего, действительно. Но я думаю, что мы оскорбляем миллионы людей утверждением об общности советского и нацистско-фашистских режимов. Они базировались на разных идеологических, утопических идеологемах. Они имели разную мотивацию. И если сталинский режим в отношении собственного народа был более жестоким, чем нацистский, то все-таки мотивация людей, их нравственная и этическая основа, пусть замешенная на социалистической утопии, была другой. И мне кажется, что здесь мы должны этот очень важный момент учитывать.

Вопрос: Какая может быть причина возможного нашего обращения к тоталитаризму?

В. И. Михайленко: В сегодняшнем разговоре мы не использовали классические определения фашизма, национал-социализма и т. д. Я хочу сказать очень коротко, что практически все определения неправы по-своему, потому что высвечивают какие-то отдельные грани этих явлений. И у нас в стране много сил — экономических, политических, криминальных, — которые заинтересованы в жестком, жестоком авторитарном или тоталитарном режиме. И, конечно, возникает вопрос о том, как выстоять, как противопоставить себя этому. Мне кажется, что практически весь тон нашего сегодняшнего разговора сводился к тому, что нужна нравственная оппозиция моральному разложению, нравственная оппозиция авторитарным тенденциям, и, на мой взгляд, мы должны в конце концов понять, что все зависит от нас. И я опять возвращаюсь к сталинскому периоду: без выпадения масс в этот кристалл репрессий вряд ли сталинский режим мог бы осуществить эти репрессии.

В. А. Буханов: Я еще хотел бы добавить, что процессы, происходящие сейчас в обществе, как мы сами замечаем каждый день, очень сложны. И поэтому — я здесь говорю как историк — не надо очень примитивно думать о фашизме: об итальянском, германском национал-социализме, других формах фашизма, потому что это очень сложное общественное явление. Мы о фашизме знаем гораздо меньше, чем не знаем, поэтому мне кажется, что историки будут дальше работать над изучением этих феноменов, этих явлений. И, в частности, использовать эти знания для того, чтобы каким-то образом давать оценку современному процессу в нашей стране.

Часть II. О геополитике, национальных интересах и сильном государстве

В.А. Буханов: Я в «Вечернем Екатеринбургe» неделю или две недели назад читал в субботнем выпуске, что, действительно, организован какой-то не то комитет, не то совет, не то ассоциация по геополитике в Свердловске, которую возглавляет доктор философских наук Некрасов и в которую входит несколько докторов наук (10 или больше). И это надо иметь в виду, потому что у них какая-то библиотека создается, видимо какие-то встречи и т. д.

В. И. Михайленко: Я хотел сразу задать такой вопрос: как ты считаешь, геополитика — это наука или не наука?

В. А. Буханов: Здесь надо прежде всего ответить на вопрос: какое определение геополитики? В зависимости от определения геополитики можно сказать, что это наука или нечто, что немного коррелируется с политикой, и т. д.

В. И. Михайленко: А не может быть так, скажем, что геополитика перестает быть наукой, когда становится политикой?

В. А. Буханов: Вот я как раз это и имею в виду, потому что геополитика на протяжении нашего столетия, насколько я понимаю, претерпела не только какие-то серьезные содержательные изменения: Челлен², потом, после Первой мировой войны, немецкая геополитика, Вторая мировая война, потом американская геополитика перешла через океан, сейчас вот у нас ренессанс и т. д. Мне кажется, что само определение геополитики постоянно меняется, оно сейчас разрабатывается в разных журналах, вот в журналах «Полис», «Кентавр» всё это постоянно публикуется. «Социс» — «Статья о геополитике». Есть даже геополитическая служба в Академии наук и некоторые другие. Мне кажется, что когда говорят о современной геополитике, то речь идет, прежде всего, об учете географического фактора, его влияния на внешнюю политику той или иной страны, т. е. господствует прагматическое понимание геополитики, и такое понимание, которое относится не ко всему государству, а только к одной из сфер деятельности государства — внешней политике. А раньше, когда работал Челлен, и потом, после Первой мировой войны, немецкие геополитики все-таки более глубоко смотрели на понятие и сущность геополитики, по-другому понимали ее. Там были разные точки зрения, даже в годы фашистской диктатуры на страницах журнала «Геополитика» были разные точки зрения, и они публиковались.

В. И. Михайленко: Я согласен с тем, что это научные знания, но есть такая опасность, что научное знание, став идеологией, обслуживая политику, утрачивает роль научного знания, становится орудием. Орудием чего-то — это

---

² Рудольф (Юхан Рудольф) Челлен (1864–1922) — шведский социолог и политолог, автор термина «геополитика». Один из первых авторов геополитической концепции, определившей государство как географический и биологический организм, который стремится к расширению.

первое. Во-вторых, на мой взгляд, любое научное знание может быть абсолютизировано. Любое научное знание относительно, и абсолютизация геополитики очень опасна, так же как любого другого научного знания. Вот, можно брать любую отрасль, скажем новое мышление.

В. А. Буханов: В межвоенный период и в годы Второй мировой войны геополитика понималась совершенно по-другому, чем сейчас.

В. И. Михайленко: А как? У меня сложилось такое впечатление, что вообще геополитика — это все-таки наука, грубо говоря, XIX века. Хотя она появилась, я знаю, и обслуживала первую половину XX века, но, в принципе, она выросла из классической науки, из классического представления о не вариативности представления развития мира, а моноразвития.

В.А. Буханов: Правильно, и это имеет смысл, только я немножечко конкретизирую это положение, уточню, потому что все-таки речь идет о конкретном понимании геополитики. Геополитика первой половины XX века — это традиционная наука. Она не традиционная в том смысле, что пыталась соединиться, слиться с наукой и перелиться в науку, вот в этом смысле она уже современная, т. е. она и традиционная, и современная. Но дело все в том, что немецкие геополитики воспринимали геополитику не просто как воздействие или необходимость учета влияния географических факторов, климата, каких-то естественных границ на разработку внешней политики того или иного государства, они воспринимали геополитику как науку о самом государстве, причем они даже добавляли, что «геополитика — это наука об органическом государстве».

В. И. Михайленко: Что значит «органическое государство»? Ведь государство может быть государством, в котором нация, культура растворяются, создается единая общность. А здесь имеется в виду, может быть, ландшафт, природа, этнос?

В. А. Буханов: Нет. Дело все в том, что геополитика, действительно, в какой-то степени наука спекулятивная, потому что она возникла в начале XX века, когда, собственно говоря, границы между европейскими государствами уже давно сложились. Но границы, например, в XI веке, в XV веке еще складывались и были совершенно иными, поэтому она схватила какой-то статичный момент, но этот статичный момент являлся элементом динамичного развития, она как раз пыталась это развить. Так вот, органическое государство и должно быть субъектом этого статично-динамичного развития в отношениях между государствами. То есть органическое государство — это, прежде всего, действительно, создание сплоченной общности единого народа, который возглавляется диктаторским режимом.

В. И. Михайленко: Буквально вчера я просмотрел работу Э. Геллнера [Геллнер 1991], посвященную как раз проблеме нации и т. д., и у меня складывается впечатление, что органические государства возникают в результате

индустриального развития. Не архаичного, не аграрного типа, скажем, как Россия, где были очень сильны явления локальных миров и т. д., а как раз именно индустриального. Но, фактически, большинство из этих государств являются государствами либерального типа. Мне интересно, не возникают ли здесь, в какой-то степени, противоречия? Совершенно ясно, что наиболее динамичные и однородные государства — это государства либерального типа. Наиболее диктаторские — это государства, которым не удалось решить проблему создания органичного государства снизу, т. е. за счет саморазвития, а насаждается это сверху, как мы сейчас пытаемся решать проблему географического фактора. На мой взгляд, это противоречие. Был такой взгляд в 30-х годах. А почему он возник? Что, Германия разве не была в 30-х годах органичным государством?

В. А. Буханов: Она и была в 30-х годах (после 1933 года) органичным государством.

В. И. Михайленко: А до 33-го года?

В. А. Буханов: А до 33-го года как раз геополитики и пытались переломить сущность немецкого государства. Они как раз выступали за создание вот такого именно диктаторского режима, но диктаторского режима не в смысле, например, гитлеровского режима, а консервативно-диктаторского режима, такого государства, которое, учитывая возможную динамику границ, постоянно расширяется. И следовательно, собственно говоря, концепция геополитиков, я имею в виду немецких геополитиков 20–23-го годов, это, фактически, концепция постоянной экспансии и агрессии диктаторского режима, диктатуры, которые предусматривают борьбу между различными государствами, т. е. в этом отношении она тоже архаична, эта концепция. Это та самая геополитика первой половины XX века, которая не выходила за пределы архаичного восприятия международных отношений.

В. И. Михайленко: Скажем так: возникла чисто объективная ситуация, так как, действительно, XIX век — это век возникновения национальных государств. Национальных в том смысле, что не географически искусственные рамки стали олицетворять государство, а границы, наоборот, стали олицетворять органичную общность. Геополитика возникла как один из инструментов для того, чтобы решать проблему органичного государства там, где эта проблема не была решена. В Германии ведь, я согласен, в XIX веке, как и в Италии, эта проблема не была решена. Но как получилось, что геополитика из инструмента решения внутренней органичности переросла в инструмент внешней экспансии? По идее, внешняя экспансия просто тормозит создание внутренней органичности.

В. А. Буханов: В принципе, да. В данном случае речь как раз и идет о том, что органичное государство должно было постоянно расширяться за счет других государств, стран и т. д., чтобы создавать какую-то основу для еще более крупных позиций, создать империю, великое пространство, сферу влияния и т. д.

В. И. Михайленко: Вот такой вопрос: как ты считаешь, геополитика сейчас — это что, только инструмент для того, чтобы констатировать наличие определенного механизма поддержания баланса сил, или же это механизм экспансии?

В. А. Буханов: Сейчас увлечение геополитикой, с одной стороны, является академическим делом, а с другой стороны, очень рискованным. Почему? Вот, например, можно сказать об учете географического фактора во внешней политике Российской Федерации. Конечно, если мы будем учитывать географические факторы, это будет наиболее безопасно с точки зрения национальных интересов (раз мы говорим о национальных интересах, то, собственно говоря, речь идет о национальной безопасности, о государственных интересах). Если говорить о государственных интересах, так решает фактически кучка людей, принимающих решения или влияющих на принятие решения. Так вот, с этой точки зрения, конечно, наиболее безопасными границами для нас, например, является побережье Балтийского моря. Поэтому геополитика и сейчас не так безобидна, как может показаться. Другое дело, что в данный момент мы не можем реализовать эти планы, но, в принципе, геополитика всегда связана не просто с констатацией каких-то определенных естественных границ, она всегда направлена вовне.

В. И. Михайленко: Хорошо. Вот такой вопрос: Хаусхофер³ и другие в Германии. Ясно, что многие из них стали обслуживать правительство в дальнейшем, обслуживать государственную идеологию. Они, по существу, как бы подставили себя, стали выполнять опорную какую-то роль в идеологическом обосновании нацистской внешней политики. Все ли ученые- геополитики были на это нацелены, или, может быть, геополитика все-таки проявила себя как какая-то свободная мысль? Вот ты говорил, что дискуссии были. Дискуссии ведь могут быть какого характера: кланового — кто первый, правильно? Может быть, ты назовешь пример, когда эти дискуссии были антимилиитаристские, антиэкспансионистские, направленные вовнутрь, на развитие. Вот я согласен с тобой, что, наверное, теоретически да, это возникло для того, чтобы создать органичное государство, т. е. благое дело. Но развилось ли это течение?

В. А. Буханов: Но органичное государство понималось как диктатура, а диктатура — это стремление к экспансии вовнутрь и вовне. Что касается функции геополитики в Третьем рейхе, то здесь дело оказывается не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Да, действительно, геополитики переоценили свои силы в 1920–30-х годах. Они полагали, что имеют достаточно большое влияние на Гитлера и его окружение, и, когда нацисты

---

³ Карл Хаусхофер — немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики.

пришли к власти, то геополитики поставили прямо такой вопрос: мы должны геополитизировать национал-социализм.

В. И. Михайленко: То есть проблема завоевания?

В.А. Буханов: Да, завоевание этого идеологического пространства.

В. И. Михайленко: Это знакомая ситуация, как в Италии 1920–30-х гг....

В. А. Буханов: Да, однако этого не получилось, и поэтому им пришлось довольствоваться в течение 30-х годов ролью свободных экспертов. Они посылали меморандумы, докладные записки, отвечали на те запросы, которые им сверху присылали, но не более того. И, по существу, национал-социализм, как идеология государственная, подчинил себе геополитику. И когда это случилось, большинство геополитиков оказалось в растерянности. Некоторые пошли на службу национал-социалистам уже в открытую, т. е. отказались от принципов геополитики, другие, как Хаусхофер, колебались, некоторые оказались в стане борцов Сопrotивления. То есть, в конечном итоге, геополитика отдалась, по существу. Никогда геополитики не доходили до такого положения, которое выдвинули, например, нацисты, что можно уничтожать целые народы. Они до такого не доходили. Они были консерваторами, они были реакционерами, но не до такой крайности, а вот национал-социалисты были готовы на все: уничтожить евреев, скажем, как народ, уничтожить славянские народы, цыган и т. д. В этом коренная разница между геополитикой Хаусхофера и вообще немецкой геополитикой, с одной стороны, и национал-социализмом — с другой. То есть национал-социалисты (идеология, я имею в виду) были просто безжалостными по отношению к другим народам.

В. И. Михайленко: Ты мог бы назвать какие-то императивы геополитики, специфику. У меня в руках сейчас книжечка, изданная в Академии наук: «Геополитика: теория и практика». Это журнал наших фашистов. И, что интересно, если мы полистаем журнал, то кроме портретов нацистов, вдруг идут совсем другие портреты: Бабурин, например, и Бенуа где-то там, в Верховном Совете Российской Федерации, какие-то схемы «Евразия» и т. д. И если мы посмотрим на редакционную коллегию, то, наряду с такими известными геополитиками, как Дугин, есть Алкснис, Проханов. У меня возникает такой вопрос: что это? Как это называется? Мое впечатление такое, если брать только чисто геополитику, что здесь никакого перевертывания у коммунистов никогда и не было. Потому что Сталин мыслил геополитическими критериями не только накануне Второй мировой войны, но и после Второй мировой войны, когда он построил мир, исходя из абсолютно однозначной геополитической концепции. Поэтому мне кажется, что органичное единство было абсолютным и разрыва в данном случае нет. И странного в том, что коммунисты выступают вместе с геополитиками-фашистами, нет.

В. А. Буханов: Можно только, наверное, добавить, что все-таки геополитика, поскольку она понимается по-разному и поскольку она сама стремится

превратиться из науки в политику, то ее используют разные силы по-разному, и это очень опасно, я еще раз повторяю: очень опасно, потому что геополитика не такая безобидная наука, как может показаться, это не география, это политика.

В. И. Михайленко: Мне кажется, опасным является сам факт обращения к ней. Может быть, Сталин был прав в свое время, может, это было время геополитиков, но мне кажется, что перенесение инструментов прошлого в будущее опасно не только потому, что инструмент плох, но и потому, что глазомер оказывается совсем даже не тот и смотрит не в ту сторону. Может быть, сейчас для освоения нашего внутреннего российского пространства нужен не геополитический инструмент, а инструмент такой, как учет культуры, роль культуры, роль экономики, роль саморазвития индивидуальности.

В. А. Буханов: Вот это очень хорошо, потому что, собственно говоря, такая мода на геополитику в настоящее время в нашей стране, прямо ренессанс геополитики, связаны, прежде всего, с внутренними трудностями. Геополитика классическая, она связана все-таки с понятием диктатуры прежде всего. Диктатуры вовнутрь и диктатуры вовне. И поэтому трудности, которые переживаются нашей страной сейчас: развал империи, необходимость новых границ, необходимость вообще ощутить себя, и то, что сейчас многие политические силы занимаются геополитикой, это, фактически, водораздел между демократией и диктатурой в конечном итоге. Хотя, как известно, геополитические комитеты есть и в Академии наук и т. д., но они по-разному воспринимаются, потому что геополитику по-разному понимают даже сейчас разные силы, разные ученые.

В. И. Михайленко: Хорошо, я понял, что все-таки геополитика — это диктатура?

В. А. Буханов: Это не то чтобы диктатура, но это ориентация в сторону диктатуры, ориентация в сторону диктаторских режимов, потому что установление естественных границ — это авантюра сама по себе, это экспансия, причем экспансия ничем не прикрытая, только разными голыми схемами, рисунками, линиями, осями, как ты говоришь, треугольниками Берлин — Рим — Токио и т. д.

В. И. Михайленко: Меня поражает, что есть опять умозрительная концепция, которая становится неанализируемой, и, исходя из этой концепции, выстраивается как бы научная теория, которая учитывает какие-то факторы, но база-то на самом-то деле не камень, она зыбкая, это умозрительная теория...

В. А. Буханов: Это иррациональная вещь, субъективная очень. Как говорили про Хрущева: волюнтаризм, потому что каждый какую хотел схему, такую и рисовал.

В. И. Михайленко: Да. То есть, если я захотел и провел линию не по России, а по Америке или по Атлантическому океану, значит, надо там выстраивать крепостную стену? И еще один вопрос в связи с этим: геополитика уводит

от созидательной работы, уводит в сторону, а нам сейчас, по идее, надо заниматься созидательной работой, не надо поглощать Чечню военным путем, надо интегрировать ее, очевидно, если к этому будет какая-то необходимость, экономическим и культурным путем, т. е. только на этой платформе.

В. А. Буханов: Это и есть водораздел между либеральной демократией и противоположной тенденцией.

В. И. Михайленко: Этот путь более тяжелый.

В. А. Буханов: Кстати говоря, в каком-то недавнем журнале, не то в «Полисе», не то в «Свободной мысли», есть одна статья о геополитике, она очень любопытно называется: «Геополитика: путь в тупик?» Это очень серьезная постановка вопроса.

В. И. Михайленко: И еще один вопрос: я долго думал над названием статьи, которую можно написать, связанную с критическим подходом к геополитике как к абсолютной концепции, по-моему, я говорил тебе: «Кавалерийская атака в атомный век». В связи с этим, скажем, ведь геополитика — это один из факторов, которые могут влиять на внешнюю политику, и вот, может быть, я ошибаюсь, но геополитика, исходя из того, как она сконструирована, нашими врагами являются Соединенные Штаты Америки, Западная Европа, и надо, по идее, вроде бы делать ставку на страны третьего мира. Сейчас мы всё еще исходим из того, что нас кто-то собирается оккупировать. Хорошо, предположим, что нас кто-то собирается оккупировать. Нас собирается оккупировать Япония, хотя и претендует на некоторые острова? Нас собираются оккупировать Соединенные Штаты Америки? Нас собирается оккупировать Германия или Великобритания? Я думаю, что на исходе XX века ни одна из этих стран на себя обузу оккупации брать не будет. Они могли это сделать в XIX веке, могли сделать накануне Второй мировой войны, но на исходе XX века никто оккупировать нас не будет, кроме тех стран, которые находятся на стадии своего развития, отставая от технологически развитых стран на много порядков, потому что у них совершенно другой инструмент экспансии, он является инструментом XIX века. То есть, объективно, получается, если эта логика правильна, что нашими союзниками могут быть Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Германия. Без союзников Россия жить не может, это понятно. Могут быть страны бывшего СНГ, но здесь много деликатных вещей, и, скорее, эти страны будут занимать такую же позицию, как страны Восточной Европы накануне Второй мировой войны: в пользу сильного. Не получается ли так, что геополитика как инструмент прошлого века, ну, довоенный, сейчас уводит нас, фактически, от наших потенциальных союзников, уводит нас в тот мир, который является для нас самым опасным?

В. А. Буханов: Не исключено. Не исключено, потому что, все-таки, действительно, геополитика — это инструмент прошлого, и если им пользоваться чисто академически, т. е. не абсолютизировать его, то можно обсуждать,

дискутировать в научных кругах и т. д., но не следует распространять в общественное сознание, интегрировать в нашу политическую культуру инструментарий геополитики, а надо, наоборот, повышать политическую культуру, возрождать общественное сознание демократическое. И в этой ситуации, конечно, геополитика в какой-то степени является препятствием, поэтому мода на геополитику пройдет, хотя и, может быть, не скоро, но с течением времени. Но это, мне кажется, действительно, не самый эффективный путь постижения истины и современных международных отношений и т. д.

В. И. Михайленко: Ты сказал, что нам надо возрождать демократическое сознание, а вот не звучит ли это с таким же императивом, скажем, с противоположным знаком, как геополитика? Вот ты считаешь, что да, надо возрождать демократическое сознание, а вот кто-то говорит: «Ну, смотрите, Россия не готова к демократии, и демократия для России — это саморазрушение».

В. А. Буханов: Вот я как раз об этом и говорю, что необходимо возрождать демократическое сознание. Когда демократическое сознание будет развиваться, тогда не будет диктатуры, авторитарных режимов в нашей стране.

В. И. Михайленко: А может, государство рухнет к тому времени? Как ты относишься к проблеме того, что государство рухнет? Что значит, по-твоему, сильное государство, какой смысл ты бы вложил в понятие «сильное государство»?

В. А. Буханов: Сильное государство — это такое государство, которое находит наиболее оптимальные отношения с гражданским обществом и поддерживает его всячески, т. е. наиболее оптимальные отношения между гражданским обществом и государством означают сильное государство.

В. И. Михайленко: А зачем поддерживать гражданское общество? Ведь в нашей стране слово «гражданское общество» никак не звучит, как и слово «свобода». Многие ведь считают, что при Сталине жилось лучше, говорят об этом совершенно уверенно. Почему? Потому что не надо было думать. Голова не должна была трещать, так сказать, она не должна была быть инструментом добывания чего-то, т. е., в принципе, все было дано. И ведь жить в таких условиях, действительно, легче. Легче.

В. А. Буханов: Массе людей.

В. И. Михайленко: Массе людей. Им кажется: вот и будет сильное государство. Это ведь тоже спорный вопрос: ставить или не ставить проблему примата государства? Вот мы поставили проблему примата государства: да, государство должно быть сильным, нас должны бояться, я должен ехать куда-то и говорить, что я из России, и должны с уважением относиться, шляпу снимать или еще что-то. Ведь может быть такой подход? И априорно говорить о том, что он неправилен, наверное, нельзя.

В. А. Буханов: Ну, конечно, по крайней мере, когда был достигнут паритет ракетно-ядерного оружия, так нас все-таки зауважали.

В. И. Михайленко: Да, нас зауважали. Так давайте опять восстановим паритет. Вот, может ли быть другое прочтение понятия «сильное государство», т. е. когда и свобода есть, и есть что поесть, и уважают потому, что сильное государство, и т. д. Может быть такой вариант?

В. А. Буханов: Мне трудно ответить на этот вопрос. Но, мне кажется, — я исхожу, как и все мы, наверное, из цельности европейской цивилизации — мы на этой культуре воспитаны. Все-таки исторический опыт показывает, что сильное государство немислимо без поддержки своего собственного народа. А когда свой собственный народ поддерживает, то это значит, что государство само учитывает вот эту многосложность и многообразие различных интересов своих людей. Собственно говоря, что такое гражданское общество? Это и есть совокупность государственных интересов.

В. И. Михайленко: Я в канун 50-летия Победы много думаю над тем, что народ поддерживает. Вот за Сталина шли в бой. Кем был Сталин? А может быть, Сталин, это даже не Сталин был, когда говорили: «За Сталина!»? Это был один из символов «За Родину!», «За себя!», еще за кого-то. Это не была персонификация личности, но была персонификация такая же, как «За Мать!» (когда слово «Мать» понимается не как родная мать, а «Мать-Родина» или еще что-то). Может быть, это была новая символика каких-то развернутых вещей?

В. А. Буханов: Ну, конечно, ты переходишь к проблеме диктатуры и демократии. Я все-таки предпочитаю демократию, потому что здесь учитываются права каждого человека, гарантируются и реализуются эти гарантии. А в нашей стране до сих пор таких гарантий, кроме декларации в конституции, практически нет. Они не осуществляются. Они могут в любой момент не только нарушиться, но любого человека могут убить, как сейчас убивают в Чечне. Да, государство может быть сильное, кого-то там Грачев⁴ подавит, разрушит город и т. д., его начнут уважать. Он вчера по телевизору сказал, что к нему уже начали приходить делегации различных партий, кроме Гайдара, почти все пришли и выражают поддержку, но, понимаете, я думаю, что все-таки большинство общества не будет поддерживать такое государство, если оно не будет диктаторским государством.

В. И. Михайленко: Я думаю, что тот, кто ратует за диктатуру, наверное, должен понимать, чем все диктаторские режимы заканчивались. Был короткий период рывка, движения, но они заканчивались, почти все, такими катастрофами: Германия, Италия...

В. А. Буханов: Да, да. Я и говорил, что исторический опыт это показывает.

В. И. Михайленко: И вместе с тем, давай вспомним 30-е годы. Сколько говорили: плутократические государства, как Великобритания,

---

⁴ Павел Сергеевич Грачев — министр обороны Российской Федерации, 18 мая 1992 года — 17 июня 1996 года.

все — рухнувшие, приводили им в качестве антиподов мощные, динамичные фашистские государства. А тем временем Великобритания пилит потихоньку, накапливают потихоньку, и, как бы там ни было, там повышается жизненный уровень (я под жизненным уровнем понимаю не только материальные блага, я понимаю доступность знания, интеллектуальный уровень, доступ к культуре). Вообще даже, скажем, один из важнейших критериев — это продолжительность жизни и прочее, и прочее, ведь в демократических странах все эти позиции на порядок выше, чем в диктаторских странах.

В. А. Буханов: Да, но геополитика ведь эти проблемы не ставит, она ставит совсем противоположные проблемы.

В. И. Михайленко: То есть мы можем сказать о том, что сама по себе геополитика, хотя ее можно, наверное, рассматривать как какую-то разновидность научного знания, но она узка, она относительна.

В. А. Буханов: В США в послевоенные годы тоже наблюдался расцвет геополитики, но это было время холодной войны, время утверждения США в глобальном масштабе. Вот геополитика и понадобилась.

В. И. Михайленко: Хорошо. Есть ли сейчас такого рода геополитические центры, влияющие реально на внешнюю политику ведущих держав мира, где-то за пределами России?

В. А. Буханов: Я думаю, что, конечно, есть. Но дело все в том, что они подготавливают какие-то свои экспертизы, а в конечном итоге принимают решения люди совершенно другого ранга, которые могут любую экспертизу перечеркнуть, взять фрагмент, взять то, что им выгодно, и т. д. Поэтому всякая такая, научная даже, экспертиза превращается в политический документ.

В. И. Михайленко: То есть можно сказать так, что она растворяется в многоголосье других вариантов.

В. А. Буханов: И с другими вариантами сравнивается.

В. И. Михайленко: И сказать, что где-то геополитика...

В. А. Буханов: Только геополитика, в общем-то, нет, так как учитывается все, фактически, в том числе, и такой очень важный момент, как политическая культура того или иного общества, традиции. Возьмем Гаити, высадка американцев — это ясный пример учета политической культуры этой страны. С ними можно действовать силой, но, вместе с тем, и выборы: как готовятся эти выборы, учет того, как население может реагировать на интервенцию и т. д., это же все учитывалось. То есть это не только геополитические какие-то анализы, а это ведь всё в совокупности.

В. И. Михайленко: Хорошо. А вот сама высадка в Гаити, и можно много таких примеров привести, это не есть ли прямое выражение, скажем, учета американцами геополитических предложений?

В. А. Буханов: В том числе, конечно, геополитических. Я думаю так, может, я ошибаюсь, кто знает. Потому что я за свою жизнь практически

не прочитал ни одной лекции по новейшей истории послевоенного времени, поэтому ты, конечно, специалист по сравнению со мной. А я почувствовал, что если почитать лекции, я два раза за два года подряд читал лекции по истории Германии филологам, причем даже начиная с конца прошлого тысячелетия, и я уже немножечко по-другому стал смотреть. Я, может быть, консервативен, но я к моде на геополитику отношусь очень критически.

В. И. Михайленко: Кстати, как после Второй мировой войны отнеслись к геополитическим центрам на Нюрнбергском процессе?

В. А. Буханов: Дело все в том, что кроме главного процесса было еще несколько процессов по делу министров, по делу СС, медиков и т. д., готовился процесс по делу Хаусхофера и геополитики. Тогда американцы считали, что геополитика была идеологией национал-социализма. Именно поэтому Хаусхофера вызывали на бесконечные допросы и т. д., он поэтому и покончил самоубийством в начале 46-го года, а потом умерла его жена — через несколько недель или через несколько месяцев. То есть тогда было вообще распространенное мнение не только в США и в Западной Европе, но и у нас в стране, естественно, что геополитика — это и есть национал-социализм. Может быть, в какой-то степени, возрождение в США геополитики было связано с переосмыслением той роли, тех оценок, которые давались в 45-м, 46-м годах.

В. И. Михайленко: А когда там был ренессанс геополитики?

В. А. Буханов: В 1950-х, 60-х годах.

В. И. Михайленко: То есть получается, что у нас задворки идеологии?

В. А. Буханов: Да, все это с запозданием, все это в условиях, когда идет борьба, по существу, между демократией и диктатурой, причем в пользу демократии, по крайней мере, сейчас и в ближайшее время...

В. И. Михайленко: Вместо того чтобы создать центры, которые занимались бы, скажем, образованием в области прав человека, создаются геополитические центры. И мы столько говорим о криминогенной ситуации, вместе с тем, фактически, не занимаясь решением этой проблемы, как будто бы она сама собой решится.

В. А. Буханов: Конечно, учитывать географический фактор надо, ну, по крайней мере, на протяжении нескольких лет, они стабильны, и я не думаю, что сейчас что-то произойдет такое, что Россия сократится вообще в 3–4 раза.

В. И. Михайленко: Ну, взрыв интереса к этой проблеме понятен. Попытка воспрепятствовать распаду великой империи и попытка сохранить, и вместо того, чтобы выстраивать новые формы отношений, общежития, делается упор именно на то, что если не так, то иначе никак.

В. А. Буханов: На Украине подготовлен и уже, по-моему, введен курс научного национал-социализма, как у нас геополитика.

В. И. Михайленко: Это что, серьезно? Ну, «молодцы»! Я думаю, что по логике того движения, которое было в Германии и в Италии, должны

открываться кафедры мистики. Кафедры геополитики определенно будут открываться, я даже не сомневаюсь в этом, а вот кафедры мистики — это уже будет следующий этап, потому что станет ясно, как это произошло с марксизмом, что этот концепт является неанализируемым и его можно внедрять только на одном уровне — на уровне фетишистского сознания.

В. А. Буханов: Я хочу здесь отметить: помнишь знаменитую книгу Гейдена «Критика немецкой геополитики» [Гейден 1960]? Конечно, эта книга была продуктом своего времени, там обвинялся империализм и т. д., но, по сути, говорилось о том, что иррационально все это, т. е. суть-то была схвачена. Эта книга вышла еще в 50-х годах. Геополитику называли тогда, в той книге, империалистической наукой, лженаукой и т. д. Много обвинений всяческих, но, в принципе, можно найти кое-что любопытное, если скорректировать.

В. И. Михайленко: Если говорить о ситуации, то у меня очень плохое предчувствие...

В. А. Буханов: В нашей стране?

В. И. Михайленко: Да, в нашей стране.

В. А. Буханов: У меня тоже плохое. Причем, мне кажется, это началось исподволь: сначала с маленьких шажков. Демократы, которые так себя называют, это поддерживали. В 93-м году, в марте, Ельцин выступил по телевизору и заявил, что устраняет от работы парламент, а потом заявил, что он такого указа не подписывал, что его неправильно поняли, — это уже был признак очень серьезный.

В. И. Михайленко: Я недавно встречался со студентами по поводу Гефтера⁵. Я им сказал, что я, например, не оценил поступок Гефтера в октябре 93-го года, только вот сейчас. То есть он уже понимал где-то, что это отход от демократии...

В. А. Буханов: Даже не отход от демократии, а отход от принципов прав человека, потому что здесь не о демократии речь идет, возможно, что для защиты демократии необходимы какие-то вооруженные действия и т. д., а здесь ведь явное нарушение прав человека — убить человека, причем в центре Москвы, с танка стрелять по безоружным. А я тогда уже это понимал. Я понимал, что речь идет об очень серьезных вещах. И эти события с 21 сентября, Зорькин⁶ ведь совершенно прав, это государственный переворот.

В. И. Михайленко: Хотя сам Зорькин, в принципе, оправдал бы эту ситуацию, если бы она была... Ведь переворот был и в том и в другом случае.

---

⁵ Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) — советский и российский историк, философ, публицист.

⁶ Валерий Дмитриевич Зорькин — Председатель Конституционного Суда Российской Федерации в 1991–1993 годах и с 2003 года.

В. А. Буханов: Но мне кажется, что если бы продолжалось сосуществование парламента и исполнительных органов власти, тогда все-таки были хотя бы маленькие зацепки для дальнейшего развития демократии в нашей стране. А после штурма Белого дома все это исчезло.

В. И. Михайленко: Я могу обозначить свою позицию по этому периоду: может быть, это и есть самая демократичная ситуация, когда паралич власти, когда две власти друг друга истощают. В борьбе между теми и другими я, все-таки, был в большей степени на стороне президента, как плохое, но неизбежное.

В. А. Буханов: Все-таки наш президент изначально настроен на ориентированную конфронтацию. В принципе, наверное, можно было избежать всего этого, а ведь он настойчиво, последовательно вел дело именно к такому исходу. И когда я услышал четвертого числа по радио интервью с Ростроповичем и Галиной Вишневской, и корреспондент спросил у Вишневской: «Какое Ваше впечатление и отношение ко всему этому?», а она заявила буквально следующее: «Надо всех уничтожать», то я ужаснулся просто. И это привело к Чечне...

В. И. Михайленко: Опять же я согласен, что так нельзя, что не надо уничтожать всех, а как ты относишься к тому, что в ряде стран Восточной и Западной Европы после бархатных революций коммунистам запретили занимать административные должности?

В. А. Буханов: Я к этому отрицательно отношусь.

В. И. Михайленко: А у нас, посмотри, у нас не запретили, и в результате мы имеем то, что мы имеем.

В. А. Буханов: У меня очень тяжелое предчувствие относительно будущего, особенно, знаешь, ближайшего даже будущего — 95-го, 96-го годов. Особенно я очень боюсь относительно выборов, прежде всего президентских выборов. Наверное, ты недавно читал в газете «Известия», 13 февраля, о создании государственно-автоматизированной системы выборов? Страшная статья. То есть могут кого угодно поставить президентом, выбрать кого угодно, и мы ничего не сделаем, потому что нет противовеса никакого. Я даже не знаю, что может случиться в дальнейшем...

В. И. Михайленко: Тогда что? Лучше просвещенная монархия?

В. А. Буханов: Горбачев, ты имеешь в виду? Да?

В. И. Михайленко: Нет, не Горбачев... Я просто так, чисто теоретически говорю...

В. А. Буханов: Очень сложный период. По существу, нам только кажется, как я думаю, что мы вышли из полосы тоталитаризма, он продолжается и еще будет продолжаться.

Список литературы

- Буханов 2013 — Буханов В. А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945) / под ред. В. И. Михайленко, А. И. Борозняка. 2-е изд., доп. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013. 466 с.
- Гейден 1960 — Гейден Г. Критика немецкой геополитики / пер. с нем. ; ред. и авт. коммент. Е. Н. Петрунин. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 312 с.
- Геллнер 1991 — Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
- Михайленко 1987 — Михайленко В. И. Итальянский фашизм. Основные вопросы историографии. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 233 с.
- Попов 1989 — Попов Г. Х. Корень проблем. М. : Политиздат, 1989. 96 с.
- Mussolini 1935 — Mussolini B. La dottrina del fascismo. Roma : Istituto della Enciclopedia Italiana, 1935. 13 p.

References

- Bukhanov, V. A. (2013), *Gitlerovskii «novyi poryadok» v Evrope i ego krakh (1933–1945)* [Hitler's "New order" in Europe and its collapse (1933–1945), 2nd ed., Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 466 p. (in Russian).
- Gellner, E. (1991), *Nations and nationalism*, translated by Berdikova, T. V. and Tyun'kina, M. K., Progress, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Heyden, G. (1960), *Kritik der deutschen Geopolitik. Wesen und soziale Funktion einer reaktionären soziologischen Schule*, translated by "Izdatel'stvo inostrannoi literatury", Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, 312 p. (in Russian).
- Mikhailenko, V. I. (1987), *Ital'yanskii fashizm. Osnovnye voprosy istoriografii* [Italian fascism. Basic questions of historiography], Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, Sverdlovsk, 233 p. (in Russian).
- Mussolini, B. (1935), *La dottrina del fascismo*, Istituto della Enciclopedia Italiana, Roma, 13 p.
- Popov, G. Kh. (1989), *Koren' problem* [The root of the problem], Politizdat, Moscow, 96 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 13.12.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.01.2022

Информация об авторе

Михайленко Валерий Иванович
доктор исторических наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2576-212X

Information about author

Mikhaylenko, Valeri Ivanovich
D. Sci (History), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2576-212X